Значение индивидуализации иска для апелляционного обжалования

ФОКИН Евгений Анатольевич, научный сотрудник центра зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: evgeniy.hse@outlook.com

Предметом анализа в настоящей статье являются процессуальные вопросы, возникшие в деле Арбитражного суда города Москвы № А40-235720/2018. Данный спор актуализировал сразу несколько дискуссий процессуально-правовой науки, которые раньше рассматривались как не имеющие точек пересечения: индивидуализацию иска, полномочия апелляционной инстанции и взаимодействие между судом и сторонами. Доктрина и практика пока не выработали единого мнения относительно одной из самой давних проблем процессуального права: что делать, если истец доказал факт нарушения его права, однако ошибся в выборе способа защиты? В комментируемом деле эта проблема возникла в новом виде. Так, ключевым стал вопрос о действиях апелляционной инстанции в случае, если в ходе проверки судебного акта установлена ошибочность избранного истцом способа защиты нарушенного права (и, соответственно, удовлетворения иска с таким способом защиты). Верховный Суд Российской Федерации занял достаточно радикальную позицию: отмена судебного акта по мотивам ошибочного избрания способа защиты нарушенного права абсолютно невозможна. Но эта позиция в свою очередь повлекла новые проблемы, связанные с общей неясностью алгоритма практических действий апелляции в рассматриваемой ситуации.

В настоящей статье автор пытается оценить подход Верховного Суда Российской Федерации с точки зрения как теории процессуального права, так и сложившихся подходов судебной практики.

Ключевые слова: апелляция, индивидуализация иска, полномочия апелляции, выбор способа защиты нарушенного права.

Для цитирования: Фокин Е. А. Значение индивидуализации иска для апелляционного обжалования // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 105—117. DOI: 10.12737/jrl.2020.123

Введение. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 24 декабря 2019 г. вынесла определение № 305-ЭС19-18275 по делу Арбитражного суда г. Москвы № А40-235720/2018, которое касалось ненадлежащего исполнения обязательств по договору лизинга. При, возможно, не самых сложных фактических обстоятельствах спора и его материально-правовой стороне в деле обнаружились процессуальные аспекты, актуализировавшие одну из самых дискуссионных теорий цивилистического процесса, а именно теорию индивидуализации иска. Примечательно, что на этот раз вопросы индивидуализации иска возникли не ввиду рассмотрения дела в первой инстанции, а в связи с

апелляционным обжалованием. Ранее вопрос о соотношении выбора способа защиты нарушенного права и апелляционного обжалования ни в научной литературе, ни в разъяснениях высших судебных инстанций не ставился. Совокупное рассмотрение этих аспектов на примере конкретного дела Верховного Суда может служить дальнейшему обогащению научного знания, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть их подробно.

Судебные инстанции в поисках предмета лизинга. Фактические обстоятельства дела сводились к следующему. Между обществами «Европлан» (лизингодатель, ответчик) и «ЛИМ» (лизингополучатель, истец) был заключен договор лизинга,

по которому общество «Европлан» обязалось приобрести у выбранного обществом «ЛИМ» продавца (общества «Колос Поволжья») сельскохозяйственную технику (трактор). Лизингополучатель уплатил суммы аванса лизингодателю, который, в свою очередь, исполнил обязательства по оплате перед продавцом. Однако, как утверждал истец, фактически трактор к нему во владение не поступил. Данные обстоятельства явились основанием для обращения в суд с иском к лизингодателю о взыскании неосновательного обогащения, под которыми истец понимал суммы перечисленного ответчику аванса.

Решением суда первой инстанции иски были удовлетворены в полном объеме. Суд в числе прочего установил, что являющийся предметом спора трактор находится в фактическом владении у контрагента продавца — общества «СТИ-Агро». При этом, так как продавец, общество «Колос Поволжья», не исполнил ряд обязательств перед обществом «СТИ-Агро», последнее намеренно удерживало у себя трактор и не планировало его кому-либо передавать. Попытки общества «ЛИМ» осуществить виндикацию оказались безрезультатными: несколькими годами ранее в удовлетворении иска об истребовании трактора из чужого незаконного владения было отказано. При этих обстоятельствах суд первой инстанции счел требования общества «ЛИМ» о взыскании неосновательного обогащения доказанными и обоснованными¹.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение первой инстанции было отменено, в иске отказано полностью. Апелляция пришла к выводу о том, что истцом избран ошибочный способ защиты нарушенного права. Так, судебная

коллегия установила: спорное имущество все-таки было передано истцу, что подтверждается имеющимися в материалах дела актами приемки-передачи, подлинность которых оспорена не была. Таким образом, у истца возникла обязанность по уплате лизинговых платежей. Впоследствии, однако, спорный трактор был реализован лизингодателем иному лицу. При таких обстоятельствах, по мнению суда апелляционной инстанции, не имелось оснований для удовлетворения иска о взыскании неосновательного обогащения. Истцу, как указано в постановлении, надлежало обращаться с иском о расторжении договора и при этом для определения суммы заявляемых требований рассчитывать сальдо встречных платежей. Только в такой редакции иск мог бы быть рассмотрен по существу².

Суд округа, рассмотрев кассационную жалобу, поддержал выводы апелляции³.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ судебные акты апелляционной и кассационной инстанций были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию. Так, Судебная коллегия критически восприняла тезис об ошибочном избрании способа защиты нарушенного права как основания для отказа в иске (и отмены решения суда первой инстанции). Фактически апелляцией было предложено истцу повторно обратиться в суд по тем же материально-правовым основаниям, однако с иной просительной частью искового заявления. Такое предложение является по сути ошибочным и незаконным, так как подразумевает по-

¹ См. решение Арбитражного суда г. Москвы от 19 декабря 2018 г. по делу № А40-235720/2018.

² См. постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 марта 2019 г. по делу № А40-235720/2018.

³ См. постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 июня 2019 г. по делу № А40-235720/2018.

вторное обращение в суд по тому же предмету и основанию, а оно не допускается.

Свой взгляд у Верховного Суда был и на вопрос о том, возникло ли у лизингополучателя фактическое владение и пользование спорным имуществом. Так, Судебная коллегия указала: из материалов дела следует, что доступ истца к предмету лизинга на территории организации-продавца все же был получен, в связи с чем лизингополучатель подписал акты приемки-передачи спорного имущества (которые имелись в материалах дела). Однако при этом в силу возникших препятствий вывезти данное имущество истец так и не смог. Судебная коллегия указала, что факт передачи трактора лизингополучателю доподлинно не установлен. Если этот факт подтвердится, то надлежит выяснять, по чьей вине (лизингодателя, продавца или его контрагентов) у истца отсутствуют возможности для вывоза имущества. Оценки заслуживал и тот факт, что по неустановленным судами причинам лизингодатель в отличие от лизингополучателя все же смог установить контроль над спорным имуществом, что впоследствии не помешало ему реализовать трактор иным лицам.

Вместе с тем наиболее любопытным в рассуждениях Верховного Суда остается тезис о том, что удовлетворение иска с ошибочно избранным способом защиты нарушенного права не является самостоятельным основанием для отмены решения в апелляционном порядке. Этот тезис заставляет вспомнить доктринальные основы индивидуализации иска и вопросы их практической реализации.

Индивидуализация иска: теоретические подходы. В доктрине процессуального права сложились две концепции индивидуализации иска: теория юридической индивидуализации и теория фактической индивидуализации.

Указанные теории преследовали цель поиска ответа на конкретный и практический вопрос о том, что в исковом заявлении (а точнее, в основании иска) имеет первоочередное значение — обоснование фактических обстоятельств, подтверждающих нарушение защищаемого права, или же их юридическая квалификация. Так, теории фактической индивидуализации иска придерживался Е. А. Нефедьев, указывающий, что «суд сам познает ведение объективного права и, основываясь на нем, решает вопрос о правильности заявленного притязания»⁴. Иными словами, истцу достаточно было обосновать факты нарушения права, а применимое к этим фактам право подбирал суд. Аналогичного подхода придерживался и А. Х. Гольмстен, который при этом делал оговорку, что «ряды фактических и юридических обоснований сливаются в один и в их расчленении нет надобности»⁵.

Что касается теории юридической индивидуализации иска, то впервые она была подробно рассмотрена В. М. Гордоном, главным образом с опорой на современную ему немецкую доктрину (Р. Шмидт, А. Вах, Ю. Петерсен). В. М. Гордон был ослеплен в выводах, но в целом склонялся именно к юридической индивидуализации иска⁶.

Для гражданского процесса советского периода была характерна значительная степень влияния социалистической идеологии, исходившей из того, что лицо, обращающееся за судебной защитой, не обязано быть юридически грамотным. Ошибки в правовой квалификации заявляемых таким лицом требова-

⁴ Нефедьев Е. А. Учение об иске. Казань, 1895. С. 41.

⁵ Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд. СПб., 1913. С. 183.

⁶ См.: Гордон В. М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль, 1902.

ний не являются критичными, а задача суда как государственного органа состояла в том, чтобы оказывать сторонам всяческое содействие. В том числе суд мог выйти за пределы заявленных требований и удовлетворить иск в том виде, в котором считал нужным⁷.

Из современных точек зрения обратим внимание на позицию Г. Л. Осокиной, которая основанием возникновения права на удовлетворение иска видела доказанность правовой и фактической обоснованности заявленного иска⁸.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ 2002 г. открыл новый этап в дискуссии о юридической и фактической индивидуализации иска. Пунктом 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ предписано указывать в исковом заявлении ссылки на законы и иные нормативные правовые акты. Это требование стало основанием для выдвижения тезиса о том, что арбитражный процесс исходит из необходимости юридической индивидуализации иска. Кроме того, теории индивидуализации иска в современной доктрине пережили модернизацию: в научной литературе юридическая индивидуализация иска стала ассоциироваться с моделью так называемого профессионального судебного процесса, а фактическая — непрофессионального⁹.

Думается, что однозначных оснований для выводов о том, что АПК РФ «взял на вооружение» теорию юридической индивидуализации иска, все же не имеется.

Так, в силу ст. 168 АПК РФ окончательную правовую квалификацию заявленных требований при принятии судебного решения отмечает суд. При этом суд должен установить фактические обстоятельства, которые позволяют определить подлежащую применению нормативно-правовую базу¹⁰. Таким образом, можно сделать вывод, что АПК РФ исходит из теории как фактической индивидуализации иска, так и юридической, пытаясь найти между ними общий знаменатель. Что касается требований ст. 125 АПК РФ, то вполне могут быть поддержаны выводы И. Н. Кашкаровой и М. З. Шварца о том, что ссылки на законы и иные нормативные правовые акты являются не более чем формальным реквизитом¹¹.

Нецелесообразной видится и дискуссия о профессиональной и непрофессиональной моделях арбитражного процесса. Юридическая наука пока не выработала ни критериев профессионального процесса, ни его понятия, ни каких-либо признаков. При этом представляется, что судопроизводство становится профессиональным не в силу каких-либо дополнительных требований в процессуальном кодексе или более жестких норм, а в первую очередь в силу содержательного и эффективного взаимодействия между судом и сторонами в рамках судебного разбирательства по конкретному делу. Профессионализация судебного процесса, таким образом, в большей степени зависит от процессуального

⁷ Подробный обзор точек зрения относительно подходов к индивидуализации иска см.: *Кашкарова И. Н.* Индивидуализация иска в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 14—36.

⁸ См.: *Осокина Г. Л.* Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск, 1990. С. 143.

⁹ См., например: *Егорова М. А.* О некоторых проблемах индивидуализации иска // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2. С. 32—39.

¹⁰ См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд. М., 2020. С. 513 (автор комментария к ст. 168 — М. Л. Скуратовский).

¹¹ См.: *Кашкарова И. Н.* Указ. соч. С. 16; *Шварц М. З.* Готовы ли мы к профессиональному процессу? (краткий комментарий к пункту 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126) // Арбитражные споры. 2009. № 2. С. 155.

поведения представителей сторон, действий судьи, а не от общего подхода, используемого АПК РФ¹².

Однако в споре между обществами «ЛИМ» и «Европлан» вышеприведенные дискуссии перестали быть собственно теоретическими: перед судебными инстанциями встал конкретный вопрос о том, можно ли удовлетворить иск (и какой именно), если избранный способ защиты нарушенного права некорректен.

Индивидуализация иска: практические подходы. Впервые этот вопрос актуализировался в 2008 г. в связи с принятием Информационного письма ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения». Так, согласно позиции ВАС РФ, если лицо, передавшее имущество во исполнение недействительной сделки, обратится с требованием о его возврате из чужого незаконного владения другой стороны сделки на основании ст. 301 ГК РФ, суд отказывает в удовлетворении иска. ВАС РФ исходил из того, что для восстановления имущественных прав истца необходимо было фактически удовлетворить иск о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки. Вместе с тем такой иск не предъявлялся, а изменить исковые требования по собственной инициативе суд не вправе в силу принципа диспозитивности.

Такой подход по своему содержанию может показаться достаточно жестким. Однако в том деле, которое было предметом анализа в Информационном письме, суд первой инстанции всячески взаимодействовал с истцом, предлагая (в том числе в определениях по делу) до-

полнительно обосновать избранный способ защиты нарушенного права, дать пояснения относительно просительной части искового заявления. Однако от совершения указанных действий истец уклонился, что делает отказ в иске как минимум закономерным.

В совместном постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее — постановление Пленума № 10/22) содержалось следующее разъяснение: если на стадии принятия иска суд придет к выводу о том, что избранный способ защиты права собственности или другого вещного права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения.

Впоследствии эта позиция получила развитие и расширение (за счет иных гражданско-правовых споров) в постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, в п. 9 которого Пленум фактически дословно повторил разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума № 10/22. При этом Верховный Суд также указал, что в соответствии со ст. 148 ГПК РФ или ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

Внимания заслуживает и позиция Конституционного Суда РФ, который неоднократно отмечал, что заинтересованное лицо по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не заперенные законом, в том числе посредством обращения за судебной защитой, будучи связанным в своих

¹² Подробнее об этой точке зрения см.: Фокин Е. А. «Профессионализация» российского арбитражного процесса // Закон. 2019. № 7. С. 159—166.

решениях лишь установленным федеральным законом порядком судопроизводства. При этом, если Верховный Суд (а ранее также Высший Арбитражный Суд) исходит из того, что возможные способы защиты гражданских прав предусматриваются ст. 12 ГК РФ и другими федеральными законами, то Конституционный Суд отмечает, что в выборе способа защиты нарушенного права ориентироваться следует не столько на указания ГК РФ и федеральных законов, сколько на то, чтобы избранный способ не противоречил Конституции¹³. При этом оценку целесообразности того или иного конкретного способа защиты нарушенных прав в конкретном деле Конституционный Суд в силу предмета своей компетенции не дает.

Было бы поспешным утверждать, что высшие судебные инстанции полностью устранили проблемы, связанные с избранием способа защиты нарушенного права, из судебной практики. Тем не менее можно констатировать, что применительно к данному вопросу сформировались два принципиальных тезиса:

1) отказ по мотивам ошибочного избрания способа защиты нарушенных прав возможен, если удовлетворение иска в заявленной редакции никак не релевантно нарушенным правам заявителя и не позволит эффективно восстановить его права и законные интересы;

2) отказ по мотивам ошибочного избрания способа защиты нарушенных прав возможен, если этому предшествовало содержательное обсуждение и взаимодействие между судом и сторонами (главным образом, конечно, истцом) по вопросам заявленного предмета иска.

Проблематика выбора способа защиты нарушенного права неод-

нократно поднималась и в судебной практике по конкретным делам.

Прежде всего следует обратить внимание, что тезис о якобы юридической индивидуализации иска по АПК РФ в практической плоскости также не находит подтверждения.

В деле Арбитражного суда г. Москвы № А40-133726/2018 Верховный Суд РФ указал, что «арбитражный суд не связан правовой квалификацией спорных отношений, которую предлагают стороны, и должен рассматривать заявленное требование по существу исходя из фактических правоотношений, определив при этом круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, а также применимые в конкретном спорном правоотношении правовые нормы». Поводом для формулирования такого тезиса послужило то, что суды, отказывая в удовлетворении требований о взыскании штрафа и неустойки по государственному контракту, исходили исключительно из необоснованности правовой квалификации и юридических оснований, приведенных истцом. В то же время собственную правовую квалификацию суды не дали¹⁴.

Данный тезис встречается в практике Верховного Суда довольно часто. В одном из обособленных споров по делу о банкротстве общества «Аркаим» (дело № А73-822/2013) судами было отказано в признании сделок недействительными исходя из специальных юридических оснований, предусмотренных законодательством о банкротстве. Суды исходили из необоснованности той правовой квалификации, на которую заявитель ссылался в заявлении. Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 июня 2018 г. № 303-ЭС14-4717(4) принятые по делу судебные акты были от-

¹³ См., например, определение КС РФ от 7 июля 2016 г. № 1421-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Г. М. Шапкиной на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим ст. 12 и ст. 304 ГК РФ.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 2 марта 2020 г. № 305-ЭС19-22653 по делу № А40-133726/2018.

менены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Судебная коллегия указала, что «арбитражный суд не связан правовой квалификацией спорных отношений, которую предлагают стороны, и должен рассмотреть спор исходя из заявленных оснований требования (обстоятельств, на которые ссылается сторона в подтверждение своего требования) и его предмета (требования), определив при этом, какие нормы закона следует применить в каждом конкретном случае».

Некоторые параллели со спором между обществом «Европлан» и обществом «ЛИМ» обнаруживает дело № А45-13856/2015. В рамках данного дела Товарищество собственников жилья (ТСЖ) «Наш дом» обратилось с иском к банку «Взаимодействие», которое самовольно заняло помещения жилого дома, обслуживаемого ТСЖ. В исковых требованиях ТСЖ просило обязать ответчика привести помещения в первоначальное состояние, передать их истцу по акту приема-передачи, а также требовало взыскать с ответчика неосновательное обогащение в виде полученного от использования этих помещений дохода. Данные требования были удовлетворены, однако апелляционная инстанция пришла к выводу об ошибке в выборе способа защиты нарушенного права. Постановлением апелляционного суда решение первой инстанции было изменено на виндикационное: апелляция истребовала имущество ответчика из его незаконного владения. В удовлетворении иска в остальной части (в том числе в части неосновательного обогащения) было отказано со ссылкой на отсутствие достаточных юридических оснований.

Кассационная инстанция позицию апелляции поддержала.

Вместе с тем Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ судебные акты апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции, признав обоснованным способ защиты права именно в

том виде, в котором он был сформулирован истцом изначально и впоследствии удовлетворен судом первой инстанции. Судебная коллегия указала, что выбор способа защиты нарушенного или оспариваемого права является субъективным правом истца, который должен соответствовать характеру нарушения права и достигать цели его восстановления (этот тезис, обратив внимание, созвучен позиции Конституционного Суда). Иными словами, позиция высшей судебной инстанции сводится к тому, что преимущественное право определения наиболее целесообразного способа защиты нарушенных прав принадлежит истцу. В споре между ТСЖ и банком истец обосновал такую целесообразность, а несоответствие этого способа неким императивным положениям гражданского и жилищного законодательства доказано не было, в связи с чем, по мнению Судебной коллегии, оснований для изменений судебных актов у апелляционной инстанции не имелось¹⁵.

В контексте спора между обществом «ЛИМ» и обществом «Европлан» интересно отметить: определение Судебной коллегии по спору ТСЖ и банка «Взаимодействие» не содержало указаний на то, что апелляция применила непоименованное в процессуальном кодексе основание для отмены.

Таким образом, можно заключить, что согласно позиции высшей судебной инстанции необходимым является не только подробное исследование предмета иска (и просительной части искового заявления), но и детальное рассмотрение реальных и фактических целей истца, которые в судебной практике зачастую остаются за рамками искового заявления.

Этот тезис уместно дополнить обращением к делу № А45-8173/2015.

¹⁵ См. определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 5 декабря 2016 г. № 304-ЭС16-10165 по делу № А45-13856/2015.

Между обществом «Универсам-САДКО» (продавец) и обществом «Аланта» (покупатель) был заключен договор купли-продажи железнодорожного пути. Покупатель после регистрации перехода к нему права собственности обнаружил, что путь не соответствует обозначенным в договоре характеристикам и к тому же имеются обременения данного имущества со стороны третьих лиц. Эти обстоятельства стали основанием для обращения общества «Аланта» в суд с иском к обществу «Универсам-САДКО» о признании договора купли-продажи незаключенным. Исковое заявление прошло два круга рассмотрения. При втором рассмотрении суды признали доказанными обозначенные в исковом заявлении фактические обстоятельства, однако при этом указали, что истцом избран ненадлежащий способ защиты нарушенного права. Так, согласно позициям судебных инстанций истцу надлежало поставить вопрос о расторжении договора, а не признании его незаключенным.

Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ принятые по делу судебные акты были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Подходы судов были признаны формальными. Так, суды ни при первоначальном, ни при новом рассмотрении дела не исследовали вопрос о реальных целях истца при обращении за судебной защитой. Кроме того, Верховный Суд указал, что вследствие двукратного прохождения дела через судебные инстанции общая продолжительность рассмотрения дела уже составила более двух лет. В связи с этим позицию нижестоящих судов о необходимости повторного обращения в суд с надлежаще сформулированными требованиями Судебная коллегия оценила критически¹⁶.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод еще об одном подходе высшей судебной инстанции: при наличии сомнений в обоснованности заявленного способа защиты нарушенных прав суду первой инстанции надлежит выяснять и оценивать реальные цели истца при обращении в суд. Для такой оценки необходимо содержательное взаимодействие суда и лиц, участвующих в деле, по вопросам, актуальным в связи с рассмотрением спора.

Таким образом, Верховный Суд сформировал (в том числе в практике последних лет) достаточно системные представления об индивидуализации иска и ее прикладном значении.

Синтез теории и практики в определении Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-18275. Рассмотрев основные теоретические и практические подходы к индивидуализации иска, вернемся к анализу спора между обществом «ЛИМ» и обществом «Европлан».

Ключевой вопрос, вставший перед судебными инстанциями, состоял в том, был ли иск о взыскании неосновательного обогащения надлежащим способом защиты нарушенного права. Вопрос этот осложнялся как спецификой правоотношений, возникающих из договора лизинга, так и разночтениями судебных инстанций в оценке фактических обстоятельств дела.

Исходя из обозначенной выше судебной практики, для преодоления возникших вопросов суду первой инстанции необходимо было выявить реальные цели истца (общества «ЛИМ») при обращении в суд, а затем оценить заявленный способ защиты нарушенных прав через призму того, насколько он релевантен целям истца.

Однако из материалов дела не следует, что вопрос о целях обращения истца в суд выносился на обсуждение, а при рассмотрении дела в первой инстанции имело место содержательное и развернутое взаи-

¹⁶ См. определение ВС РФ от 9 октября 2018 г. № 304-ЭС17-11096 по делу № А45-8173/2015.

модействие между судом и лицами, участвующими в деле.

Как следствие, вопрос о целях истца и способе защиты нарушенного права перешел на стадию апелляционного обжалования. Апелляционная коллегия, в свою очередь, пришла к выводу о том, что вследствие удовлетворения заявленных требований неосновательное обогащение возникло на стороне не ответчика, а истца, который получил фактически больше, чем мог получить при нормальном развитии деловых отношений в рамках договора лизинга. Это обстоятельство послужило основанием для принятия нового судебного акта об отказе в удовлетворении иска.

Не оценивая материально-правовую сторону рассматриваемого вопроса (она явно заслуживает внимания со стороны специалистов в области лизинга), остановимся на процессуальных аспектах.

Представляется, что в рассматриваемом споре апелляционная инстанция оказалась в несколько двусмысленном положении. С одной стороны, суд первой инстанции не дал оценку заявленному истцом способу защиты права и не провел в ходе судебного разбирательства его содержательных обсуждений. С другой стороны, попытка самостоятельной «компенсации» этих недочетов апелляционной инстанцией впоследствии оказалась критически воспринята Верховным Судом, указавшим, что ошибка в выборе способа защиты нарушенного права по смыслу ст. 270 АПК РФ не является основанием для отмены судебного акта в апелляционном порядке.

Обсуждение избранного истцом способа защиты нарушенных прав, конечно, могло бы состояться и в апелляции. Однако практическая целесообразность такого обсуждения все же принципиально иная, чем в первой инстанции. Достаточно вспомнить про требования ч. 1 ст. 49 АПК РФ, согласно которой изменение предмета иска возможно лишь в

первой инстанции. Иными словами, прийти к выводу о дефектности просительной части искового заявления истец, конечно, может и в апелляции, однако при этом такие выводы будут явно запоздалыми, а принятие на их основе некоего процессуального решения — невозможным.

С точки зрения *de lege ferenda* указанные обстоятельства вынуждают вернуться к вопросу о необходимости предоставления апелляционной инстанции полномочия по направлению дела на новое рассмотрение в первую инстанцию. Отсутствие подобного полномочия критиковалось в научной литературе многократно¹⁷. Если теоретически представить, что оно все-таки присутствовало бы в процессуальном законодательстве, то у апелляционной коллегии в споре между обществом «ЛИМ» и обществом «Европлан» имелось бы больше возможностей для маневра: в частности, возможно было бы направить дело на новое рассмотрение с указанием на необходимость выявить реальные цели истца, а также установить доподлинно неустановленные фактические обстоятельства дела, связанные с местом нахождения (или же рассмотреть дело через призму фактических обстоятельств, установленных судом апелляционной инстанции). Истец, в свою очередь, по итогам состоявшихся обсуждений в апелляционной инстанции смог бы по своему усмотрению изменить предмет иска.

Еще одно дискуссионное теоретико-практическое понятие, актуали-

¹⁷ См., например: Жилин Г. А. Полномочия апелляционной инстанции в арбитражном и гражданском процессе: проблемы теории и практики // Закон. 2013. № 4. С. 83—92; Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. М., 2013. С. 218—219; Котлярова В. В. К вопросу о полномочиях суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2. С. 65—72.

зируемое комментируемым делом Верховного Суда, это понятие судебной ошибки. От ответа на вопрос, была ли допущена ошибка первой инстанцией, зависит и ответ на вопрос о наличии оснований для отмены судебного акта. Л. А. Терехова, обобщая сложившиеся доктринальные подходы, указывает, что «судебная ошибка — это результат судебной деятельности, не совпадающий с целями гражданского судопроизводства. Ее необходимые признаки: 1) появляется при вынесении итогового судебного акта; 2) предполагаемый характер; 3) констатация и устранение производятся специальным уполномоченным субъектом в специальном порядке; 4) ее доказывание носит специфический характер; 5) не зависит от вины судьи, принявшего итоговый акт»¹⁸. Через призму такого подхода можно констатировать, что апелляционная инстанция в споре между обществом «ЛИМ» и обществом «Европлан» вполне корректно обосновала наличие судебной ошибки: лизингополучатель вследствие удовлетворения его исковых требований получил право на денежные суммы, на которые он не мог рассчитывать при нормальном развитии деловых отношений, что никак не соотносится с целями судебной защиты и гражданского судопроизводства.

Наконец, рассмотрим тезис Верховного Суда РФ о том, что ошибка в выборе способа защиты нарушенного права является основанием для отмены судебного акта, а перечень оснований, закрепленный в ст. 270 АПК РФ, является закрытым.

С указанным тезисом, особенно в том виде, в каком он сформулирован Верховным Судом, согласиться крайне сложно.

Прежде всего, полагаем, следует разграничивать две процессуальные ситуации:

1) когда истец некорректно избрал способ защиты нарушенного права, однако и избранный способ позволяет эффективно восстановить его нарушенные права и защитить законные интересы. Суд первой инстанции удовлетворяет такой иск, а апелляция отменяет и отказывает по формальным основаниям, указывая, например, что в судебной практике по подобным спорам такие иски не заявляются;

2) истец некорректно избрал способ защиты нарушенного права, и избранный способ не позволяет защитить его права и законные интересы.

Очевидно, что отмена решения в апелляционном порядке куда более оправданной выглядит во второй ситуации: к ответчику удовлетворен нерелевантный иск, истец реальной защиты прав не получил и цели гражданского судопроизводства вряд ли можно признать достигнутыми. В первой же ситуации отмена решения в апелляционном порядке вряд может быть признана обоснованной и скорее напоминает ситуацию откровенного формализма.

Что касается комментируемого определения, то из него не представляется возможным установить, к выводу о наличии какой из двух описанных ситуаций пришел Верховный Суд. Однако именно от ответа на этот вопрос зависит целесообразность отмены постановления апелляционной инстанции.

Не поддается логическому объяснению и решение Верховного Суда направить дело на новое рассмотрение именно в апелляционную инстанцию. С одной стороны, Судебная коллегия ВС РФ признала, что вопрос о надлежащем способе защиты нарушенного права до конца судебными инстанциями не рассмотрен. Верховный Суд в комментируемом определении также не делает по данному вопросу четких выводов. С другой стороны, фактически «монопольное» право на исследование вопроса о способе защиты нарушенного права Судебная коллегия признает за пер-

¹⁸ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007. С. 18—33.

вой инстанцией (что с точки зрения ст. 49 АПК РФ логично), но дело направляет на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию, возможности которой по рассматриваемому вопросу существенно ограничены.

Наконец, отметим, что постановка тезиса об отсутствии в тексте ст. 270 АПК РФ ошибки в выборе способа защиты нарушенного права как основания для отмены вызывает некоторое недоумение.

Современное процессуальное законодательство в части регулирования оснований для отмены судебных актов основывается на концептуальных подходах и классификациях, сформулированных Л. Ф. Лесницкой¹⁹. В научной литературе признается, что данный подход является методологической основой для процессуального права, а предложенная классификация носит исчерпывающий характер, ориентированный к тому же на практическую деятельность²⁰. Представляется, что сформулированные более полувека назад основания для отмены не утратили свой прикладной потенциал и сегодня.

Абстрагируясь от спора между обществом «Европлан» и обществом «ЛИМ», постараемся ответить на вопрос: что представляет собой удовлетворение иска при ошибочно избранном способе защиты нарушенного права? Для целей научного анализа будем исходить из ситуации, в которой заявленный предмет иска никак не соответствует доказанному истцом нарушению прав и законных интересов (например, истец доказал незаконное удержание своего имущества ответчиком и суд, удовлетворяя требования истца, вынес решение об уничтожении данного имущества).

¹⁹ См.: Лесницкая Л. Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. М., 1962.

²⁰ См.: Гравина А. А., Ганичева Е. С., Глазкова М. Е. Процессуальная научная школа права // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 84—93.

Думается, что применительно к подобной ситуации ст. 270 АПК РФ предусматривает достаточные возможности для отмены судебных актов. Так, рассматриваемая ошибка суда первой инстанции может быть квалифицирована как:

1) неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела: факт нарушения прав доказан, однако доказаны ли обстоятельства, что именно заявленный способ защиты наиболее релевантен и целесообразен?

2) нарушение норм материального права, в том числе:

а) неприменение закона, подлежащего применению — надлежащий способ защиты нарушенного права скорее всего предусмотрен действующим законодательством, однако применен судом не был;

б) применение закона, не подлежащего применению — удовлетворяя требования, суд ошибочно применил то или иное законодательство (в споре между обществом «ЛИМ» и обществом «Европлан» наиболее показательно — суд применил не подлежащие применению положения ГК РФ о неосновательном обогащении);

в) неправильное истолкование закона — суд, установив нарушение прав и законных интересов истца, ошибочно рассмотрел обозначенный в исковом заявлении и основанный на положениях закона способ защиты нарушенного права как наиболее целесообразный.

Иными словами, ошибка в выборе способа защиты нарушенного права действительно не упоминается в числе оснований отмены судебного акта. Однако это связано лишь с тем, что такая ошибка вполне может быть квалифицирована через призму иных, прямо предусмотренных в ст. 270 АПК РФ оснований. В связи с этим с тезисом Верховного Суда согласиться крайне трудно.

Заключение. Позиция Верховного Суда РФ по процессуальным аспектам спора между обществами «ЛИМ» и «Европлан» содержит не-

мало дискуссионных моментов. Так, с точки зрения теории процессуального права (нашедшей отражение в конкретных нормах процессуального законодательства) не представляется возможным согласиться с тезисом о том, что ошибка в выборе способа защиты нарушенного права вообще не может попадать в орбиту внимания апелляционной инстанции. И тем более не поддается объяснению итоговое решение Верховного Суда направить дело на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию.

Между тем комментируемое в настоящей статье определение относится к тем правоприменительным актам, которые ставят перед наукой острые, а подчас и нетривиальные вопросы, чем служат дальнейшему развитию доктрины. Так, проана-

лизированное определение предлагает пищу для размышлений относительно индивидуализации иска, взаимодействия суда и сторон, полномочий апелляции, перспектив надления апелляционной инстанции возможностями направления дела на новое рассмотрение.

Вопрос о надлежащем способе защиты нарушенного права возникает перед судебной практикой крайне часто. За первые месяцы 2020 г. этот вопрос приобретал несколько раз актуальность и в практике Верховного Суда РФ. В связи с этим не вызывает сомнений, что дальнейшее исследование проблем, обозначенных в настоящей статье, будет способствовать осмыслению складывающихся практических подходов различных судебных инстанций.

Библиографический список

- Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. М., 2013.
- Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд. СПб., 1913.
- Гордон В. М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль, 1902.
- Гравица А. А., Ганичева Е. С., Глазкова М. Е. Процессуальная научная школа права // Журнал российского права. 2015. № 9.
- Егорова М. А. О некоторых проблемах индивидуализации иска // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2.
- Жилин Г. А. Полномочия апелляционной инстанции в арбитражном и гражданском процессе: проблемы теории и практики // Закон. 2013. № 4.
- Кашкарова И. Н. Индивидуализация иска в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
- Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд. М., 2020.
- Котлярова В. В. К вопросу о полномочиях суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2.
- Лесницкая Л. Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. М., 1962.
- Нефедьев Е. А. Учение об иске. Казань, 1895.
- Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск, 1990.
- Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007.
- Фокин Е. А. «Профессионализация» российского арбитражного процесса // Закон. 2019. № 7.
- Шварц М. З. Готовы ли мы к профессиональному процессу? (краткий комментарий к пункту 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126) // Арбитражные споры. 2009. № 2.

The Importance of the Claim's Individualization for Appeal

E. A. Fokin

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: evgeniy.hse@outlook.com

DOI: 10.12737/jrl.2020.123

The subject of this article is the procedural issues that arose in the case of the Moscow Commercial Court No. A40-235720/2018. This dispute actualized several discussions of legal science, which were previously considered as having no intersection points: individualization of the claim, authority of the appellate court and cooperation between the court and the parties. The doctrine and practice have not yet developed a consensus on one of the most long-running issues of procedural law: what if the plaintiff proved a violation of his right, but was mistaken in choosing a method of defense? In the commented case this problem arose in a new form. So, the key question was the actions of the appellate court, if during the verification of the judicial act the erroneousness of the method chosen by the plaintiff to protect the violated right (and, accordingly, the satisfaction of the claim with this method of protection) was established. The Supreme Court of the Russian Federation took a rather radical position regarding the absolute impossibility of canceling a judicial act on the grounds of the erroneous choice of a method of protecting a violated right. But this position, in turn, entailed new problems associated with the general ambiguity of the algorithm of practical actions of appeal in the situation under consideration.

This article is an attempt to evaluate the approach of the Supreme Court of the Russian Federation both from the point of view of the theory of procedural law, and from the point of view of already existing approaches of judicial practice.

Keywords: appeal, individualization of a claim, powers of appeal, choice of a method of protecting a violated right.

For citation: Fokin E. A. The Importance of the Claim's Individualization for Appeal. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 105—117. DOI: 10.12737/jrl.2020.123 (In Russ.)

References

- Borisova E. A. Appeal, cassation, supervision in civil cases. Moscow, 2013. (In Russ.)
- Commentary on the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (itemized). Ed. by V. V. Yarkov. 4th ed. Moscow, 2020. 1071 p. (In Russ.)
- Egorova M. A. On some issues of individualization of the claim. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Pravo"*, 2011, no. 2. (In Russ.)
- Fokin E. A. "Professionalization" of the Russian arbitration process. *Zakon*, 2019, no. 7. (In Russ.)
- Gol'msten A. Kh. Russian Civil Procedure. Textbook. 5th ed. St. Petersburg, 1913. (In Russ.)
- Gordon V. M. Foundation of claim as part of an amendment to claims. Yaroslavl', 1902. (In Russ.)
- Gravina A. A., Ganicheva E. S., Glazkova M. E. Procedural Scientific School of Law. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2015, no. 9, pp. 84—93. DOI: 10.12737/13038 (In Russ.)
- Kashkarova I. N. Individualization of a claim in civil proceedings. Cand. diss. St. Petersburg, 2015. (In Russ.)
- Kotlyarova V. V. On the Powers of the Court of Appeal in Civil Procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* = *Herald of Civil Procedure*, 2017, no. 2, pp. 65—72. DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-2-65-72 (In Russ.)
- Lesnitskaya L. F. Grounds for cancellation of appealed court decisions. Moscow, 1962. (In Russ.)
- Nefed'ev E. A. The doctrine of the claim. Kazan', 1895. (In Russ.)
- Osokina G. L. The right to defense in legal proceedings (the right to a claim). Tomsk, 1990. (In Russ.)
- Shvarts M. Z. Are we ready for a professional process? (a short commentary to paragraph 1 of the Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 13, 2008 No. 126). *Arbitrazhnye spory*, 2009, no. 2. (In Russ.)
- Terekhova L. A. The system of review of judicial acts in the judicial protection mechanism. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Zhilin G. A. The powers of the appellate instance in arbitration and civil proceedings: problems of theory and practice. *Zakon*, 2013, no. 4. (In Russ.)